

Глава 8

Окраина леса

Они выбрались почти к самой опушке, где лесная чаща редела, открывая вид на безупречно чистую, сияющую луну. Только здесь Ло Ин наконец разжал пальцы и выпустил запястье Нин Чжэ.

Командир обернулся и в серебристом свете несколько секунд пристально изучал юношу. Его брови сошлись у переносицы.

— Ты разрыдался только оттого, что подслушал их разговор?

Нин Чжэ промолчал. В прошлой жизни он дожил до двадцати семи и опыта у него было побольше, чем у нынешнего Ло Ина. Но сейчас все его мысли были заняты вскрывшейся правдой, поэтому он лишь молча смотрел на мужчину, ожидая, что тот заговорит первым.

Однако Ло Ин не спешил обсуждать услышанное. Он сел, прислонившись к стволу дерева, достал добытое ядро зомби-мутанта и принялся задумчиво вертеть его в руках, погружённый в свои мысли.

Нин Чжэ застыл в нескольких шагах от него. Глядя на Ло Ина, он вдруг почувствовал, как уверенность покидает его.

С чего он взял, что, узнав истинное лицо Янь Цина, Ло Ин примет его сторону?

В той, прошлой реальности Янь Цин тоже рано или поздно выставил свою натуру напоказ. Пользуясь привязанностью Ло Ина, он раз за разом нагло и жестоко ранил его. Но разве Ло Ин в итоге не выбрал остаться с ним до самого конца?

Разве в этот раз что-то изменится?

Нин Чжэ словно заглянул в бездну роковой предопределённости. Ощущение собственного бессилия тяжёлой горой навалилось на плечи, мешая дышать.

Губы юноши плотно сжались. Он до боли стиснул кулаки и, не проронив ни слова, развернулся, чтобы уйти.

— Тебе совсем нечего мне сказать? — негромко спросил Ло Ин.

Нин Чжэ замер. Сделав глубокий вдох, он ответил глухим, надтреснутым голосом:

— Нечего.

Ло Ин перестал вертеть кристалл. Он вскинул голову, и в лунном свете его глаза сверкнули холодным, волчьим блеском.

— Совсем ничего? — переспросил он.

— Мне пора, — отрезал Нин Чжэ. — Родители будут волноваться.

Он не хотел оставаться здесь ни секундой дольше. Юноша бросился прочь, его поспешные шаги громко хрустели палой листвой, и он не видел, как в это мгновение лицо Ло Ина потемнело от ярости.

Внезапный рывок за плечо заставил Нин Чжэ пошатнуться. Ло Ин с силой развернул его и прижал к стволу дерева.

— «Нечего сказать»? И после этого ты рыдаешь навзрыд? — Ло Ин мёртвой хваткой вцепился в плечи юноши, его лицо казалось мрачнее грозовой тучи. — Стоило тебе услышать имя «Янь Цин», как тебя захлестнула такая обида. Почему?

Он и сам не понимал, откуда в душе взялась эта ярость. Она вспыхнула мгновенно, точно сухой хворост, и теперь её было не унять.

Глядя на это бледное, изящное и ещё совсем юное лицо, Ло Ин видел черты, которые когда-то знал лучше всех на свете. Но теперь за ними скрывались легионы тайн, о которых он не имел ни малейшего представления. Нин Чжэ словно провалился в глубокий колодец, став для него совершенно чужим человеком.

Ло Ин осознал: он больше не знает, что происходит в душе этого парня.

А ведь раньше между ними никогда не было секретов.

Командир отчаянно хотел понять причину этих слёз. Он жаждал узнать, откуда взялся этот парализующий страх перед Янь Цином, почему Нин Чжэ вечно осекается на полуслове и за что он избегает его самого, точно ядовитую змею...

Возможно, виной тому был холодный, безучастный свет луны. А может, взгляд Нин Чжэ, от которого в сердце Ло Ина прокралась стужа.

С тех самых пор, как Ло Ин заметил перемены в юноше ещё в городе, в его душе зрело глухое беспокойство. И теперь оно проросло, вырвалось на поверхность, обретая чёткую форму.

Ло Ин боялся.

В какой-то момент у Нин Чжэ появились тайны, и с этим грузом он начал стремительно отдаляться, не оглядываясь назад. И Ло Ин чувствовал: настанет день, когда он потеряет его навсегда.

Он сжал пальцы сильнее, впиваясь взглядом в глаза Нин Чжэ, словно пытаюсь прошить его насквозь.

— Что ты скрываешь?.. Кто такой Янь Цин и кто такой ты сам? Сколько всего ты держишь в себе? Почему ты молчишь?!

Нин Чжэ встретился с ним взглядом. Ледяной холод пробежал от макушки до самых пят. Его ресницы дрогнули, а голос, сорвавшись, превратился в едва различимый шёпот:

— Я не понимаю, о чём ты...

Но Ло Ин не собирался проявлять милосердие.

— Не понимаешь? Не понимаешь, что с Янь Цином что-то не так, или что он намеренно травит тебя? Если ты ничего не знаешь, то чего ты так боишься? Из-за чего выл в кустах?

— Я правда... не знаю...

— А волна зомби? О ней ты тоже «ничего не знаешь»? — Ло Ин зажмурился. Он не хотел этого делать, но это был единственный способ надавить на него. — Речь идёт о жизнях сотен людей на базе. Ты уверен, что тебе нечего сказать?

«...»

Нин Чжэ резко вскинул голову. Его лицо стало белым как мел.

Глаза юноши расширились. Он смотрел на Ло Ина, и в его взгляде застыл такой первобытный ужас, словно перед ним ожили самые жуткие кошмары. Губы Нин Чжэ мелко задрожали, а на глазах вновь вскипели слёзы.

Ло Ин безжалостно вскрыл нарыв, который Нин Чжэ так старательно прятал с самого момента своего перерождения.

В прошлой жизни из-за его глупости сотни людей погибли в той кровавой бойне. Пусть он и не желал им зла, они умерли из-за него. Его руки были по локоть в крови невинных.

Каждую ночь эти призраки возвращались к нему во снах. Это была вина, которую Нин Чжэ не мог простить самому себе. Именно это стало началом его личной трагедии и главной причиной, по которой он до самой смерти не находил в себе сил ненавидеть Ло Ина.

Он был преступником. Он заслужил презрение, заслужил одиночество и свою страшную смерть в когтях мертвецов!

Разве он не хотел всё исправить? Хотел! Он грезил о том, чтобы вернуться назад и предотвратить катастрофу. В прошлой жизни он до последнего вздоха пытался искупить вину, вымолить прощение...

Но он потерпел крах. Не каждое преступление можно искупить.

К тому же, смерти тех людей были прописаны в сюжете. Спасти их — значило пойти наперекор Янь Цину, главному герою...

На одной чаше весов лежали жизни родителей, на другой — сотни людей с базы. Слова Ло Ина заставили сердце Нин Чжэ болезненно сжаться, чаши весов бешено заплескались, не давая покоя.

— Раньше ты всё мне рассказывал, — вдруг добавил Ло Ин, и в его голосе проскользнула едва уловимая горечь. — Теперь ты совсем другой.

В голове Нин Чжэ что-то со звоном оборвалось. Чаша весов окончательно склонилась в одну сторону.

Он резко подался вперёд и с силой боднул Ло Ина головой в грудь, вырываясь из захвата.

Да, всё изменилось. И если в этой жизни он сможет хотя бы не стать той самой «паршивой овцой», этого будет достаточно.

Он не мог взять на себя последствия борьбы с главным героем. Поэтому он будет молчать. Он сделает всё, чтобы спасти родителей, но на большее... на большее его просто не хватит. Он больше не может...

— То, что я стал другим... это так плохо? — выдохнул Нин Чжэ, медленно поднимая взгляд на Ло Ина.

На лице командира отразилось замешательство.

Глаза Нин Чжэ в мгновение ока налились кровью. В лунном свете его зрачки казались двумя бездонными провалами, а обжигающие слёзы хлынули неудержимым потоком, размывая черты его некогда безмятежного лица.

— Неужели я должен был остаться прежним?! — сорвался он на крик. — Таким же наивным сладким дурачком, который вечно таскается за тобой хвостиком? Придурком, которого все ненавидят и презирают?! Идиотом, которого ты и все остальные бросили умирать?! Тем самым тупицей, который своими руками довёл родителей до могилы?! Неужели мне лучше и дальше оставаться этим никчёмным балластом, дебиллом, ничтожеством?!

Ло Ин вздрогнул, поражённый этой вспышкой.

Нин Чжэ даже не заметил, что сболтнул лишнего. Его сознание было затоплено неистовой, раздирающей на части болью и гневом.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь. Знаю, насколько я невыносим. Я осознаю это лучше, чем кто-либо другой!

Он понизил голос до яростного шёпота:

— Остальные... да пусть их будут хоть тысячи, какое мне до них дело?! Я просто хочу хоть раз пожить для себя. Что в этом неправильного?

Он повернул к Ло Ину лицо, залитое слезами, и чуть вскинул подбородок, словно не давая каплям упасть. В этом жесте был и вызов, и отчаянная попытка убедить самого себя.

— В конце концов, ты ведь любишь его, верно? Чего бы он ни захотел, ты всё для него сделаешь. Чтобы я ни предпринял — всё бесполезно.

Нин Чжэ бросил последний взгляд в пустоту и зашагал прочь.

Ло Ин попытался его перехватить, но Нин Чжэ, которого в очередной раз заставили остановиться, внезапно впился зубами в его руку.

— Отвали от меня! — прохрипел он.

Он посмотрел на Ло Ина с нескрываемой ненавистью.

Челюсть Ло Ина напряглась. Он молча смотрел на юношу и в конце концов медленно опустил руку.

Нин Чжэ ушёл, ни разу не обернувшись.

В лесу под ногами шуршала сухая листва. Лунный свет был мертвенно-холодным.

Спустя минуту после того, как Нин Чжэ скрылся из виду, Ло Ин рванулся было следом, но под его ногой с сухим треском хрустнула ветка, и его мощная фигура внезапно надломилась.

Словно лишившись всех сил, Ло Ин рухнул на колени. Он вцепился в грудь, лицо исказилось от невыносимой муки. Сердце колотилось так дико, будто его живьём кромсали на куски. Эта боль пришла внезапно, накрыв его сокрушительной, неодолимой волной.

Одновременно с этим внутри него начала пробуждаться странная сила. Она наполняла его тело энергией, пульсируя в такт этой агонии.

Холодный пот скатился со лба. Ло Ин уставился в непроглядную чашу, куда ушёл Нин Чжэ.

Эта неистовая, сводящая с ума боль в сердце... почему-то отзывалась в нём странным, почти узнаваемым эхом.

<http://bllate.org/book/17157/1606629>